

Литература:

1. Розенова М.И., Брантова Ф.С. Психологическая зрелость личности в семантике научного и обыденного сознания: Монография. /М.И. Розенова, Ф.С. Брантова. – М: ИИУ МГОУ, 2014. – 150 с.

2. Розенова М.И., Жучкова С.Е. Психологическое просвещение как источник безопасности образования и жизни // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2014. – № 5 (май). – С. 50–54.

3. Розенова М.И. Институт замещающего родительства в России: необходимость, проблемы и возможности системного изучения // Психология и психотехника. – 2013. – № 12. – С. 1218–1223.

4. Розенова М.И., Киселёв С.Н. Позитивная психология в России: проблемы терминологии и целей // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. – Педагогика и психология. – 2013. – № 1. – С. 87–96.

5. Розенова М.И. Позитивная психология в России: некоторые актуальные вопросы адаптации // Психология и психотехника. – 2012. – № 1 (40). – С. 57–62.

Семья как социальная сеть поддержки

Пергаменщик Леонид Абрамович

*Белорусский государственный педагогический университет
им. Максима Танка*

профессор кафедры прикладной психологии

доктор психологических наук, профессор

Беларусь

Встреча с трудностями – это всегда проверка, прежде всего, самого себя, так как только преодолевая, ты можешь понять, его ты стоишь, чего достоин, на что ты в себе можешь рассчитывать. Любая трудность, кризисная ситуация может привести к психической травме, посттравматическому стрессу или, как альтернатива, к посттравматическому росту. Параметры посттравматического роста – случайная встреча и отклик слушателей, пересмотр мировоззрения, наличие определенных навыков и умений, нахождение смысла в страдании, социальная сеть поддержки.

Предлагаю рассмотреть семью как ситуативный фактор посттравматического роста. Человек не один в экзистенциальном смысле этого слова. Кризис – и ты оглядываешься по сторонам: что вокруг происходит, как на твои трудности реагирует твое ближайшее социальное окружение и, конечно, твоя семья?

Для выяснения роли семьи как социальной сети поддержки в кризисной ситуации жизненного пути я предлагаю отправиться в экспериментальную лабораторию писателя, что позволяет получить доступ к секретам поведения человека в кризисной ситуации, рассмотреть механизм переживания-выживания, стратегии преодоления. Теоретические основания возможности представления писательского текста как психологической лаборатории мы находим в работах М.М. Бахтина, В.П. Зинченко, М. Мамардашвили.

Обратимся к трем экспериментальным лабораториям – Л.Н. Толстого, Ю. Мисимы и А.П. Чехова.

Лаборатория Л.Н. Толстого. Семья как условие посттравматического роста

Платон Каратаев.

«И хозяйка есть? А старики родители живы? ...»

У Каратаева «... морщились губы сдержанною улыбкой ласки в то время, как он спрашивал это. Он, видимо, был огорчен тем, что у Пьера не было родителей, в особенности матери.

– Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки! – сказал он. – Ну, а детки есть?» (Л.Н. Толстой. «Война и мир»).

Пьер Безухов дал отрицательный ответ.

Итак, стремление найти в жизни опору, которая помогла бы преодолеть острое стрессовое расстройство, преодолеть страдание, не увенчалось успехом. У Пьера Безухова не было таких ресурсов. Родители, дети, жена – вот что может остановить человека, помочь ему выстоять, выдержать удар. Родителей и детей у Пьера не было, а про жену, прекрасную Элен, он в ту пору забыл. Таким образом, герой оказался в поисках социальной сети поддержки.

В качестве внимательного и умелого слушателя выступила **Наташа Ростова**.

«Сначала он рассказывал с тем насмешливым, кротким взглядом, который имел теперь на людей и в особенности на самого себя; но потом, когда он дошел до рассказа об ужасах и страданиях, которые он видел, он, сам того не замечая, увлекся и стал говорить со сдержанным волнением человека, в воспоминании переживающего сильные впечатления». Голос Пьера дрожал беспрестанно. Он «рассказывал свои похождения так, как он никогда их еще не рассказывал никому, как он сам с собою никогда еще не вспоминал их. Он видел теперь как будто новое значение во всем том, что он пережил» (Л.Н. Толстой «Война и мир»)

Свое выздоровление, перерождение личности под влиянием сильного стресса Пьер Безухов выразил так:

«Да ежели бы сейчас, сию минуту мне сказали: хочешь оставаться, чем ты был до плена, или сначала пережить все это? Ради бога, еще раз плен и лошадиное мясо. Мы думаем, как нас выкинет из привычной дорожки, что все пропало; а тут только начинается новое, хорошее. Пока есть жизнь, есть и счастье. Впереди много, много...»

Роль Наташи была решающей в окончательном перерождении Пьера Безухова. Она словно подхватила эстафету Платона Каратаева и выступила одаренным психотерапевтом.

Об этом говорит поведенческая стратегия Наташи. Выражение ее лица менялось в ходе рассказа, она переживала вместе с Пьером и в случае необходимости задавала уточняющие вопросы. *«Она не упустила ни слова, ни колебания голоса, ни взгляда, ни вздрагивания мускула лица, ни жеста Пьера»*. Всё ее поведение показывало Пьеру, *«что она понимала не только то, что он рассказывал, но и то, что он хотел бы и не мог выразить словами»*. Когда Пьер рассказывал про казнь, он хотел обойти страшные подробности, но Наташа, словно опытный психотерапевт, требовала, чтобы он ничего не пропускал.

Лаборатория Ю. Мисимы. Семья как фон вины

Смерть детей. Кто виноват? Как выдержать возможное осуждение со стороны семьи? Семья в этой ситуации выступает не как источник поддержки, а как сторона усугубляющая стрессовое состояние, источник осуждения.

Человек уже в самом начале преодоления пытается найти виновного в трагическом событии, но первые поиски, как правило, не дают надежных результатов. Вот почему через ряд этапов пострадавший, чтобы избавиться от невыносимости отчаяния, вновь возвращается к теме поиска виноватого. Главной его целью становится найти виновного и обратить на него весь своей гнев, всю агрессию. Процесс поиска виновного достаточно прост и схематичен, и здесь возможны такие варианты: 1) я виноват; 2) другой (другие) виноваты; 3) некие сверхъестественные силы (бог, судьба и др.).

Чаще всего человек начинает с себя. В помутненном состоянии сознания законы гештальтпсихологии не работают, человек не видит фона, не видит почти ничего вокруг себя, он заикливается на невозможности выйти из состояния отчаяния. Так произошло с Томоко, героиней новеллы Юкио Мимимы «Смерть в середине лета». Чувство вины стало маячить в ее сознании, когда она поняла, что предстоит встреча с мужем. *«Томоко страшно было помыслить о предстоящей встрече с мужем. Это все равно, что предстать перед судом, думала она»*.

Вина требует осуждения (суд) и наказания. Томоко решила, что ей предстоит суд совести как «совместной вести». Трагическое событие невыносимо, и что можно сделать с ним, как с ним справиться, как преодолеть? Почему же она решила взять вину на себя, что здесь от реальной вины, а что от невротического навязчивого ощущения? Мы уже отмечали, что состояние отчаяния требует перейти в другой психологический статус, в другое состояние. Легче всего перейти в статус виновника. Вина требует наказания, наказание есть уже какое-то действие, в котором возможна осмысленность. Да, вина сопровождается муками совести, но мучение есть процесс переживания, а следовательно, и преодоления, избавления, так как после вины следует суд и осуждение, после осуждения — срок, а следовательно, и возможное освобождение. *«Новая неотвратимая мука неумолимо приближалась»*. Томоко ждала мужа *«словно преступница, ожидающая приговора»*. Она *«опустилась на колени, рухнула на пол и залилась слезами. <...> Она прошептала:*

— *Прости меня прости...»*. (Ю. Мисима *«Смерть в середине лета»*).

Вторую порцию вины Томоко разрешила себе получить при встрече с родителями мужа. *«Вновь она заставила себя произнести страшные слова: "Это я во всем виновата"»*. Но тут же решила отказаться от этой роли. *«Они думают, что это я во всем виновата, воскликнула Томоко. Но ведь я потеряла двоих детей. Это меня, надо пожалеть в первую очередь!»*, — жаловалась она после этого своим родителям. И, наконец, она находит «истинного» виновника трагедии: *«виновата-то не я, их ненаглядная Ясуэ. Ее счастье, что она умерла»*.

И во всех ипостасях вины присутствует семья, которая и оформляет вину, без семьи мы не можем произвести оценку своего поведения. Выполняет семья здесь функцию социальной сети поддержки или нет? Я думаю, выполняет: пострадавшему необходимо пройти через этап переживания вины, и семья может и должна своим присутствием, не осуждением, а неким фоном помочь. Без семьи трудно наладить диалог, за которым лежит выход из ситуации кризиса.

Чувство вины может перейти в хроническую стадию, если человек начнет себе отказывать в праве на счастье когда-либо в будущем. *«Я не имею право на счастье, — восклицала Томоко, — я должна плакать, иначе я бездушна и легкомысленна»*.

Лаборатория А. П. Чехова. Без семьи

Оцепенение.

«Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на коз-

лах и не шевельнется. Упади на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег...» (А.П. Чехов «Тоска»)

Жуть одиночества.

«Про сына, когда один, думать он не может... Поговорить с кем-нибудь о нем можно, но самому думать и рисовать себе его образ невыносимо жутко...»

Переживание.

«...он одинок, и ...тишина... тоска распирает грудь еще с большей силой. Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдется ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, *весь свет залила*, но, тем не менее, ее не видно. Она сумела поместиться в такую ничтожную скорлупу, что ее не увидишь днем с огнем...»

Пять попыток выхода из оцепенения

1 попытка.

«Иона кривит улыбкой рот, напрягает свое горло и сипит:

— А у меня, барин, тово... сын на этой неделе помер.

— Гм!.. Отчего же он умер?

Иона оборачивается всем туловищем к седоку и говорит:

— А кто ж его знает! должно, от горячки... Три дня полежал в больнице и помер... Божья воля.

— Сворачивай, дьявол! — раздается в потемках. — Пovýлазило, что ли, старый пес? Гляди глазами!

— Поезжай, поезжай... — говорит седок. — Этак мы и до завтра не доедем. Подгони-ка!»

2 попытка, почти удачная.

«ТЬфу, чтоб тебя черти!.. — возмущается горбач. — Поедешь ты, старая холера, или нет? Разве так ездят? Хлобысни-ка ее кнутом! Но, чёрт! Но! Хорошенько ее!»

Иона чувствует за своей спиной вертящееся тело и голосовую дрожь горбача. *Он слышит обращенную к нему ругань, видит людей, и чувство одиночества начинает мало-помалу отлегать от груди.* Горбач бранится до тех пор, пока не давится вычурным, шестиэтажным ругательством и не раздражается кашлем. <...> Иона оглядывается на них. Дождавшись короткой паузы, он оглядывается, еще раз бормочет:

— А у меня на этой неделе... тово... сын помер!

— Все помер... — вздыхает горбач, вытирая после кашля губы».

3 попытка (попытка прикосновения).

«— Извозчик, ты женат? — спрашивает длинный.

— Я-то? Гы-ы... ве-есёлые господа! Таперя у меня одна жена — сы-рая земля... Хи-хо-хо... Могила, то есть!.. Сын-то вот помер, а я жив... Чудное дело, смерть дверью обозналась... Заместо того, чтоб ко мне идтить, она к сыну...

И Иона оборачивается, чтобы рассказать, как умер его сын, но тут горбач легко вздыхает и заявляет, что, слава богу, они, наконец, приехали».

4 попытка. «Иона видит дворника с кульком и решает заговорить с ним.

— Милый, который теперь час будет? — спрашивает он.

Десятый... Чего же стал здесь? Проезжай!

Иона отъезжает на несколько шагов, изгибается и отдается тоске...»

5 попытка. «В одном из углов поднимается молодой извозчик, сонно крикает и тянется к ведру с водой.

— Пить захотел? — спрашивает Иона.

— Стало быть, пить!

— Так... На здоровье... А у меня, брат, сын помер... Слыхал? На этой неделе в больнице... История!

Иона смотрит, какой эффект произвели его слова, но не видит ничего. Молодой укрылся с головой и уже спит».

Тоска по собеседнику. «Старик вздыхает и чешется. Как молодому хотелось пить, так ему хочется говорить. Скоро будет неделя, как умер сын, а он еще путем не говорил ни с кем. Нужно поговорить с толком, с расстановкой. Надо рассказать, как заболел сын, как он мучился, что говорил перед смертью, как умер. Нужно описать похороны и поездку в больницу за одеждой покойника. В деревне осталась дочка Анисья. И про нее нужно поговорить...»

Желаемое поведение слушателей. «Слушатель должен охать, вздыхать, причитывать... А с бабами говорить еще лучше. Те хоть и дуры, но ревут от двух слов».

6 попытка, удачная. «— Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Таперя, скажем, у тебя жеребеночек, и ты этому жеребеночку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребеночек приказал долго жить... Ведь жалко?»

Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина... Иона увлекается и рассказывает ей всё...

Итак, мы рассмотрели три экспериментальные лаборатории трех писателей (Толстой, Чехов, Мисима), три запротоколированные истории, подтверждающие роль семьи как социальной сети поддержки в ситуации преодоления трагического события жизненного пути.

Семья в дискурсе виртуальной реальности

Малиновский Евгений Леонтьевич

*Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка
доцент кафедры общей и педагогической психологии
кандидат психологических наук, доцент
Беларусь*

Дискурс «7–Я» провоцирован «распутьем» (discurs) количественного (7) и качественного (Я) измерений личности. Если ее становление сопряжено с реальным ходом или бегом жизни – curriculum Vitae – дискурс на поверку оказывается воображающим входением в собственную индивидуальность. Индивидуальность настолько продуктивна, насколько семиотически уникальна порожденная ею «ячейка общества» (Ф. Энгельс). Происхождение белорусской семьи в тенденции материнской гиперпротекции – «Люба мамка ты мне, ажані ж ты мяне» – сопровождается динамикой феминной инициативы брака: «Я тебя слепила из того, что было, а потом что было, то и полюбила». Реальность защитных механизмов в семейных отношениях не подвержена дискурсу, как библейский Левиафан. Виртуальный дискурс – это речевое поведение личности, осознающей свою индивидуальность в воображаемом выборе автора. Недоступная воображению мужа женская реальность противостоит недоступности женственной символизации мужа. Так, в символизации карьеры реальность редуцируется, повторяется, в силу чего унифицируется бессознательным, как и другие символические объекты: «Столовые и детские сады – ростки коммунизма» (В.И. Ленин). Утрата критической оценки общепита и общественного воспитания равносильна утрате авторства. Вместе с тем, жена-личность – это автор, устраивающий новую виртуальную реальность: «Мудрая жена устроит свой дом, а глупая разрушит своими руками» [Притч 14]. Такое устройство невозможно без мужества. Мужество (лат. Virtus) является атрибутом homo sapiens, а «примат интеллекта над верой» служит, по Фоме Аквинскому, первой научной